

5. Исследования А.И. Яковлева

На дореволюционное время приходится и целая серия фундаментальных исследований Яковлева, сделавших ему имя в исторической науке. Характерной чертой его работ была осторожность в выводах. Возможно, поэтому библиография его работ количественно не велика. Стремясь как можно полнее представить материал, тщательно и осторожно обдумать полученные данные, он довольно редко публиковал свои исследования. Над написанием диссертационного исследования он трудился на протяжении многих лет. Не все проходило гладко. Так, в письме к А.И. Заозерскому Веселовский указывает на то, что Яковлева не удовлетворяет его тема¹. Сам Веселовский считал, что многие вопросы истории обложения в Московском царстве XVII в. Яковлеву были непонятны, хотя надо признать, что тот просто на них смотрел несколько иначе. В печати практически не появилось ни одной работы, освещавшей ход исследования. Исключением является небольшая статья в сборнике статей в честь С.Ф. Платонова². В архиве историка есть наброски статей³, но они не были закончены и не увидели свет. Объяснением этому является осторожность историка, его стремление довести работу до логического конца. Впоследствии более молодым коллегам он советовал: «Добейтесь сначала основательности своих знаний, обоснованности своих выводов, познайте дух изучаемой эпохи, вживитесь в нее!»⁴.

Материала, в основном архивного, становилось все больше. Яковлев пошел по пути, в свое время предложенному Готье. Он вел исследование на основе целостного архивного комплекса, преследуя задачу не только разработать тему, но и сделать архивные документы достоянием научной общественности. Набранный за долгие годы фактический материал разросся в огромное по объему исследование. По совету С.Ф. Платонова Яковлев разбил свой труд на две самостоятельные части⁵. Первую книгу под названием «Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства» он опубликовал в 1916 г.

---

¹ С.Б. Веселовский — А.И. Заозерскому. 21 января 1914 г. // Переписка С.Б. Веселовского... С. 254.

² Яковлев А.И. Служилое землевладение по данным Приказа сбора ратных людей (1638 г.) // Сборник статей, посвященных С.Ф. Платонову. СПб., 1911. С. 450–453.

³ АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 8.

⁴ Пушкарев Л.Н. Три года работы с А.И. Яковлевым // Историографический сборник. Вып. 19. Саратов, 2001. С. 160.

⁵ Яковлев И.Я. Указ. соч. С. 396.

На эту тему автор натолкнулся при изучении финансовой политики московского правительства. Исследование было основано на архивном комплексе, хранившемся в МАМЮ, который касался восстановительных работ Засечной черты в 1638 г.¹ Как писал историк: «Изучая документы, относящиеся к истории засечной черты, автор старался выяснить ее исторического значение, ее топографию и организацию, повинности населения по охране и восстановлению ее укреплений»². В исследовании значительное внимание было уделено колониационным процессам в русской истории.

Рассматривая древнюю историю обороны южных границ, Яковлев отметил то, что в Киевской Руси политика защиты южных рубежей не имела успеха, поскольку не опиралась на народную колонизацию, способную закрепить временные успехи княжеских войск. После образования единого государства, оборонительная политика стала более сложной и приобрела наступательный характер. «Она слагалась из: 1) сторожевой казачьей службы; 2) поселений служилого люда; 3) укрепленных фортов, выдвинутых на степь; 4) засечной черты и течения Оки в арьергарде»³. Центральным звеном этой системы в XVII в. оставалась Засечная черта. При ближайшем рассмотрении историк пришел к выводу, что это оборонительное сооружение не отвечало требованиям времени: «Хронологически черта была характерным продуктом XVI в.; в XVII в. ее военное значение было уже делом прошлого»⁴. Почему же московское правительство с таким упорством продолжало тратить колоссальные денежные и людские средства для поддержания черты? Автор связывал это с классовым аспектом государственной политики. Дело в том, что под защитой черты находились земли крупных землевладельцев⁵.

По мнению Яковлева, отнюдь не Засечная черта в XVII в. стала главным фактором защиты и освоения южных степей. Народная колонизация — вот что способствовало расширению московских границ. Но черта продолжала свое существование еще и из-за того, что являлась «символом сформировавшегося в XVI в. Московского государства и социального строя». Во многом ее поддержание имело важное идеологическое значение: «Образование черты служило наглядным выражением в глазах всех чинов людей идеи московской государственности, по настоящему взявшейся за оборону подвластной московскому государю территории.

---

¹ Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII веке. М., 1916. С. II.

² Там же. С. III.

³ Там же. С. 5.

⁴ Там же. С. 284.

⁵ Там же. С. 13.

Самый масштаб этого дела должен был очень импонировать населению, как импонировал он и чужеземным наблюдателям»¹. Яковлев подчеркивал, что такая политика только задерживала темпы русской колонизации юга. Подводя итоги, он писал: «Оглядываясь на оборонительную систему южного фронта Московского государства в целом, поражаешься ее растянутостью, рыхлостью и особенно несогласованностью разведочной службы с размещением московской армии»². Интересно отметить связь монографии Яковлева с выпускной работой Готье, посвященной обороне южных границ, хотя неизвестно, знал ли о ней историк (см. выше). Но в целом это лишний раз свидетельствует о взаимообусловленности тематики в московской исторической школе.

В 1917 г. работа была с успехом защищена в качестве магистерской диссертации. Официальными оппонентами выступили М.К. Любавский и Ю.В. Готье. Диспут состоялся 19 февраля в Московском университете и привлек историков из других университетов, в частности из Петрограда приехали С.Ф. Платонов и П.Г. Васенко. Первым оппонировал Любавский. Он признал исследование «положительной научной ценностью», где рассматривалось мало изученное ранее историческое явление³. Отметил Любавский и свойственную новому поколению «манеру пользования документами», высокую фундированность работы. Он признал, что благодаря этому «сохраняется колоритность рассказа», но в то же время «автор часто дает совершенно сырой, без достаточной обработки материал»⁴. Попенял маститый историк и на слишком, с его точки зрения, доверчивое отношение молодого коллеги к источникам. Кроме того, у Любавского был целый ряд концептуальных возражений. По его мнению, нельзя было объяснить устройство засечной черты социальной политикой правительства. Не принял он и утверждения Яковлева о приоритете вольной колонизации над правительственной, считая, что они шли параллельно друг другу⁵. Второй оппонент — Ю.В. Готье, «указал, что рассматриваемая работа — интенсивное исследование одного эпизода, заметил, что оно не вставлено в историю того процесса». Он не согласился с выводом о хаотичности обороны степных границ после Смуты, утверждая, что, наоборот, прослеживается их упорядочивание⁶. На все эти замечания Яковлев отвечал довольно успешно, что и признал вы-

---

¹ Там же. С. 285.

² Там же. С. 287.

³ Пичета В.И. Диспут А.И. Яковлева // Исторические известия. 1917. № 1. С. 209.

⁴ Там же. С. 210.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 211.

ступавший как неофициальный оппонент С.Ф. Платонов. Тем не менее он также отметил отсутствие внутреннего единства в книге¹. Несмотря на все замечания, диссертант был признан достойным искомой степени. Как писал Веселовский в своем дневнике, «все прошло очень хорошо». После диспута был организован ужин, на котором Яковлев произнес тост «за дорогих учителей: Платонова, Любавского» и Веселовского². В этом, казалось бы, незначительном событии рельефно обозначилась новая ситуация в исторической науке в целом и в Московской исторической школе в частности. Московский историк Яковлев признавал своим учителем петербургского коллегу Платонова. В этом проявилась тенденция сближения Московской и Петербургской школы, проявившаяся в работах, в первую очередь, младшего поколения московских историков. Если ранее Платонов испытал мощное влияние идей Ключевского и его учеников, то теперь ситуация изменилась — ученики Ключевского многое переняли у Платонова. Этот эпизод еще раз указывает, что развитие исторической науки в России начала XX в. шло по пути все большей консолидации исторического сообщества. Разные школы перенимали друг у друга лучшие черты. Важно отметить, что готовность к сотрудничеству первыми проявили именно представители младшего поколения. Они в меньшей степени были подвержены амбициям и устоявшимся стереотипам. Так, во время своей работы над «Сошным письмом», Веселовский активно консультировался у М.А. Дьяконова, во многом используя его методику исторического исследования. Показателен и случай с составлением сборника в честь С.Ф. Платонова³. Известный историк-археолог, член-корреспондент Академии наук, В.Г. Дружинин предложил Веселовскому, Яковлеву и Готье принять в нем участие. К более старшим историкам он обращаться не стал, поскольку «мало их знал»⁴. Симптоматично и парадоксально, что с молодыми московскими историками Дружинин был знаком гораздо лучше. Веселовский отзывался о Платонове как «умном и тонком человеке»⁵. Тем не менее, несмотря на очевидное сближение, московские историки, так же как их петербургские коллеги, продолжали чувствовать себя представителями разных научных «субкультур». Характерной является реакция московского историка Готье на книгу А.Е. Преснякова «Образование великорусского государства»⁶. Так,

---

¹ Там же. С. 213.

² *Веселовский С.Б.* Дневники 1915–1923, 1944 г. // ВИ. 2000. № 3. С. 85.

³ *Сборник статей, посвященных Сергею Федоровичу Платонову.* СПб., 1911.

⁴ *В.Г. Дружинин* — С.Б. Веселовскому. 29 марта 1910 г. // Переписка С.Б. Веселовского... С. 40.

⁵ *Веселовский С.Б.* Дневники 1915–1923, 1944 г. // ВИ. 2000. № 3. С. 85.

⁶ *Пресняков А.Е.* Образование великорусского государства. Пг., 1918.

в своем дневнике он писал: «...Это произведение умного и образованного человека, специализировавшегося на микроскопическом анализе: много частных мелких наблюдений, но часто из-за мелочей не видно целого»¹. Это в особенности символично, поскольку сам А.Е. Пресняков во введении к монографии акцентировал внимание на специфике Петербургской исторической школы. Не менее важно отметить и признание Яковлевым самого Веселовского в качестве своего учителя. Это подтверждает мысль о принадлежности последнего к Московской исторической школе и его влиянии на новую генерацию историков Московского университета.

В печати появился отзыв на монографию Яковлева, написанный Любавским. Он вновь повторил основные замечания, более отчетливо выделив свое несогласие с общей характеристикой колонизационных усилий государства: «Природа, борьба за существование властно направляли наших предков в данном случае, и едва ли здесь место тем характеристикам, которые дает автор колонизационной „политике“ Московского правительства, в которой он отмечает вялость, косность, нерешительность, неумелость»². В этом споре, в том числе, проявилась и несколько разная методологическая традиция. Признавая значимость государства во всех областях жизни России, Любавский рассуждал в рамках государственной школы, под большим влиянием идей которой находились самые старшие ученики Ключевского. В то время как Яковлев, со свойственным новому поколению скептицизмом, эту роль отрицал. Не принял рецензент и тезиса о потере Засечной чертой своего значения в середине XVII в., наоборот, считая, что набеги степняков не прекратились. Тем самым Любавский не соглашался с выводом о классово-символическом значении этого сооружения, признавая его общенациональную значимость³.

Через некоторое время в печати появился отзыв Готье. Он писал, что «исследование проф. А.И. Яковлева... интересно тем, что оно вновь обращает внимание науки русской истории на вопросы, которые оставались без движения около четверти века...»⁴. Не останавливаясь на достоинствах исследования, рецензент сосредоточился на критических замечаниях. Он выразил сомнение в правомерности использования термина «Засечная черта» в названии исследования, поскольку в самих источниках того времени данный термин не применялся. Следующим замечанием стало утверждение, что книга Яковлева не вписана в исторический

---

¹ Готье Ю.В. Мои записки. М., 1997. С. 159.

² Любавский М.К. Рец. на: Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII веке. М., 1916 // Исторические известия. 1917. № 1. С. 108.

³ Там же. С. 106.

⁴ Готье Ю.В. Заметки по истории защиты южных границ Московского государства // Исторические известия. 1917. № 2. С. 47.

контекст. Здесь автор высказал собственные соображения на этот счет. Готье не соглашался с мнением Яковлева о нецелесообразности сохранения черты. По его мнению, работы по восстановлению черты имели не только идеологическое и классовое значение, как об этом писал автор «Засечной черты», но и общегосударственное. «Перенося главную линию обороны далее на юг, московское правительство видоизменило и характер старой линии — засечной черты: возобновив и усилив ее укрепление, оно могло защищать ее меньшим количеством живой силы и не держать на засечной черте постоянных ополчений, так как для защиты этой отныне второй, но технически усовершенствованной, укрепленной линии большого войска уже не требовалось»¹, — утверждал Готье. Кроме того, рецензент посчитал неверным рассматривать засечную черту как нечто единое, указав на то, что засечные линии не составляли цельной системы укреплений². Вызвали сомнения у Готье и цифровые выкладки Яковлева, посвященные податным сборам на ремонт черты.

Более негативной оказалась рецензия П.П. Смирнова. Он раскритиковал подход Яковлева к историческому материалу: «К сожалению, усвоенный автором метод, который можно определить как метод изображения фактов в плоскости, вместо исследования их взаимоотношений, неизбежно привел его к потере чувства соизмеримости этих фактов, к произвольной выборке их, в результате чего получился разрыв между отдельными частями труда и неправильность исторической перспективы»³. Он категорически не согласился с выводом Яковлева о том, что Засечная черта сдерживала освоение юга. Рецензент указывал на 45 вновь построенных городов за чертой. С его точки зрения, черта являлась укреплением тыла, а не сдерживающим фактором⁴. В то же время он признавал то, что автор ввел в научный оборот множество новых фактов.

Надо признать, что замечания о слабой контекстуализации проблемы были высказаны в адрес Яковлева критиками вполне обоснованно. Оправдать это можно лишь тем фактом, что изначально книга была посвящена финансовой истории XVII в., а не конкретно обороне границ. Кроме того, идея разделить книгу на две части, видимо, созрела несколько спонтанно, что не позволило устранить все концептуальные недостатки.

Яковлев не остановился на достигнутом. Он сразу же выпустил следующее исследование, «Приказ сбора ратных людей», общим объемом

---

¹ Там же. С. 49.

² Там же. С. 52.

³ Смирнов П. Рец. на: Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII веке. М., 1916 // Русская мысль. 1917. № 5–6: Критическое обозрение. С. 4.

⁴ Там же. С. 8.

45 печатных листов. Посвященная приказу, основной задачей которого являлся набор людей и сбор денежных средств на нужды обороны южных границ государства, работа тематически являлась продолжением предыдущей книги.

Центральной проблемой исследования было изучение эволюции податной системы Московского государства в XVII в. Приказ сбора ратных людей, просуществовавший с 1637 по 1653 г., рассматривался историком как этап развития этой системы.

В начале работы автор выказал свое понимание эволюции сошного письма. Он считал, что в сошном письме отразилось развитие московской государственной идеи. На основе посошного обложения правительство стремилось провести унификацию взимания сборов по всему государству, тем самым отбросив пережитки удельного периода. Второй идеей, вложенной правительственным аппаратом в эту систему, было «отбывание некоторых повинностей на основании обязательной территориальной разверстки». Наконец, третьей — «идея централизации всех финансовых расчетов в Москве»¹.

В сошном письме, по мнению автора, выражалась идея неограниченного суверенитета государя над его подданными. Московские порядки, вышедшие из вотчинного режима, посредством унифицированного обложения стремились проникнуть во все сферы жизни, установить власть московского царя над финансовыми потоками страны². Несмотря на это стремление, сошное письмо не смогло окончательно привести в московскую финансовую систему единства. По мере переписи приходилось учитывать местные условия, частные ситуации. Кроме того, государство было вынуждено отдать перепись на откуп посредникам, что уменьшало контроль над местными служилыми корпорациями. «Являясь искусственно отчетливым и законченным в своих конечных замыкающих формулах, сошное письмо оставалось расплывчатым и патриархальным в фазисе подготовки этих своих формул — отсюда странная арифметическая неряшливость писцовых книг, допускающих зачастую откровенную несогласованность слагаемых с итогом»³. Таким образом, Яковлев в целом шел за Веселовским в своем понимании сошного письма, принимая концепцию «посильности обложения». Но в работе ученого прослеживается значительно больший акцент на идеологической составляющей сошного письма. То, что у Веселовского лишь неявно проскальзывает, у Яковлева показано очень рельефно.

---

¹ Яковлев А.И. Приказ сбора ратных людей. М., 1917. С. 7–9.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 30.

Отчетливее, чем у Веселовского, Яковлевым было выражено понимание кризиса сошного письма. По его мнению, в основе этого лежит недовольство правящих кругов сложившейся системой: «Кризис этот подготовлялся с двух сторон. Обряд сошного письма стеснял правительственную власть и раздражал влиятельные группы служилого класса»¹. Более того, динамизм развития Московского государства в XVII в. требовал более «мобильной» налоговой системы, в то время как сошное письмо из-за своей сложности было «слишком тяжеловесно и неповоротливо». Как утверждал Бахрушин, Яковлев значительно проще и изящнее решил проблему кризиса сошного письма, чем это сделал Веселовский².

Интерес представляет сравнение Яковлева сошного письма с кадастровыми системами других стран и эпох. В первую очередь, он сопоставлял сошное письмо с налогами Римской империи. Правомерность сравнения историк объяснял «сходством условий» двух огромных многонациональных государственных образований³. В данном пассаже можно усмотреть и важную черту предреволюционной историографии: популярность концепции «круговорота истории». По ней исторические стадии развития общества неизбежно повторяются при появлении нового общественного организма в новом временном континууме. Так феодализм, следуя этой теории, можно найти, например, в Древнем Египте. Такая идея, имеющая своими истоками философию истории Вико, была достаточно популярной в свое время, в особенности среди специалистов по всемирной истории, ее придерживался, в частности, Р.Ю. Виппер⁴.

В дальнейшей части своего исследования Яковлев показал, что уездные служилые корпорации выказывали недовольство существовавшим сошным письмом, поскольку оно не учитывало их индивидуальные интересы при разверстке налогов, поэтому московское правительство пошло на эксперимент, реализованный в деятельности Приказа сбора ратных людей. Вместо расчета «по сохе» был применен расчет «по дворам». Яковлев считал, что именно в деятельности приказа мы впервые сталкиваемся с введением «дворового числа». Дворовое число было шагом вперед на пути дальнейшей индивидуализации обложения, т. е. теперь обязательства перед государством строились с учетом положения отдельных плательщиков. В этом пункте Яковлев расходился с Веселовским, считавшим дворовое число следствием коллективизации обложения. Взамен государство окончательно сосредоточило в своих

---

¹ Там же. С. 60.

² Бахрушин С.В. Из воспоминаний... С. 150–151.

³ Яковлев А.И. Приказ сбора ратных людей... С. 66.

⁴ Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. М., 1911. С. 106–110; Он же. Круговорот истории. Берлин, 1923.

руках процедуру переписи повинностей, что позволило усилить государственный контроль над служилыми корпорациями. Таким образом, «податные формулы, развившиеся на основе дворового числа, были новой, более отчетливой и более законченной кристаллизацией государственной идеи — в этом их главное и основное значение»¹.

По Яковлеву, введение дворового числа привело к двум важным историческим последствиям. Во-первых, введение индивидуализации обложения в отношении служилых людей способствовало их юридическому выделению из остальной массы плательщиков, что «послужило важным средством его слияния в ту юридически однородную и цельную дворянскую массу, которая складывается у нас в XVIII в.»² Во-вторых, при переходе на индивидуализацию обложения произошло закрепление крепостнических тенденций в социально-экономическом развитии: «Государство обратилось к служилым людям с требованием: „вы отвечаете каждый порознь за податную исправность ваших крестьян“, а служилый люд ответил на это: „но тогда и обеспечьте за нами наших крестьян, поскольку это зависит от вас“»³.

В исследовании Яковлева есть несколько любопытных наблюдений над ментальными аспектами законодательной политики в Московском царстве. Он отметил, что в законодательной деятельности того времени не хватало абстрактного мышления, у людей отсутствовало стремление мыслить отвлеченными юридическими формулами. «Такой характер логики сильно мешал широте кругозора и отчетливости умозаключений. Расчетливые на мелочи, всегда крепко себе на уме древнерусские люди не понимали и боялись крупной игры, не соображали части целого и общей связи, запускали и прозевывали то, чем должны были дорожить»⁴.

Таким образом, на частном примере деятельности Приказа сбора ратных людей историк представил подробную картину эволюции не только финансовой политики, но и всего социально-экономического развития Московского царства.

Публикация обеих монографий стала важным событием для отечественной исторической науки. Поскольку первоначально это были части единого исследования, то мы вправе рассмотреть их как единый комплекс. В них проявились многие черты, свойственные новому поколению московских историков (Ю.В. Готье, С.Б. Веселовскому, С.К. Богоявленскому, С.В. Бахрушину). Так, обе работы написаны в позитивистском ключе, с привлечением отдельных идей неокантианства. Для них харак-

---

¹ Яковлев А.И. Приказ сбора ратных людей... С. 543.

² Там же. С. 545.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 551.

терна предельная концентрация фактического материала для повышения фундированности исследования. Основная часть монографий — это подробное изложение содержания источников. Данный факт указывает на признание принципов «второго позитивизма». Излишнюю описательность также можно объяснить принципом «экономии мышления».

Внимание исследователя в этих работах было сконцентрировано в основном на юридических и экономических вопросах. Такой подход характерен для учеников В.О. Ключевского, рассматривавших экономику и законодательную деятельность правительства как равновеликие факторы. Оба труда основывались на целостном архивном комплексе, тем самым Яковлев решил традиционную для историков проблему, заключающуюся в том, что архивы хранят документы по происхождению (провениенципринцип), а историки изучают прошлое по темам (пертиненципринцип). В данном случае историк пошел по пути, предложенным Готье в его монографии по истории Замосковского края. Важнейшей составляющей исследования стала археографическая работа. Параллельно с публикацией монографий историк выпустил документальные сборники¹. В этом чувствовалось влияние С.Б. Веселовского, который считал, что историк должен не только обнародовать результаты своего труда, но и ввести в научный оборот те источники, на которых он основывал свое исследование, чтобы другие историки могли проверить его выводы. Не случайно сборник документов был опубликован с посвящением С.Б. Веселовскому.

Еще одной чертой исследований Яковлева является интерес к индивидуальным явлениям. Деятельность Приказа сбора ратных людей и восстановительные работы Засечной черты — лишь эпизоды истории России в XVII в., но Яковлев вписывает их в контекст важнейших тенденций эволюции российской государственности. Большое внимание ученый уделяет анализу психологической атмосферы эпохи. Все это позволяет сделать предположение и о влиянии неокантианских идей на ученого.

Значительная часть работы была посвящена анализу развития «государственной идеи» в XVII в. В этом, очевидно, проявилось наследие государственной школы, идеи которой были органичной частью историографии конца XIX — начала XX в.

Выпустив книгу в 1917 г., Яковлев в том же году 23 апреля защитил ее как докторскую. Официальными оппонентами на диспуте выступили Ю.В. Готье и С.В. Бахрушин. Оба дали положительные отзывы. Показательно, что при характеристике Готье как оппонента Веселовский описал его как историка, «прилаживающегося к новому строю», т. е. новым веяниям в исторической науке, отчетливо проявившимся в работах Веселовского и Яковлева. Этот пассаж подтверждает высказанную выше

---

¹ Яковлев А.И. Счетное дело Приказа сбора ратных людей. М., 1916.

мысль, что творчество Готье носит переходной характер от старшего к младшему поколению Московской исторической школы.

Против присуждения Яковлеву степени доктора за это исследование выступал М.М. Богословский. По свидетельству Веселовского, он ругал «работу и тему». Но в ходе кулуарных переговоров Богословскому обещали переизбрание его профессором Московского университета, и он отказался от активной критики¹.

Соискатель в своей речи на защите, так же как и Веселовский, отметил, что изучение истории переместилось от создания обобщающих трудов к монографическим исследованиям, которые в будущем должны подготовить новый синтез². Историк заявлял, что, берясь за эту тему, важнейшей задачей он считал «вопрос об определении и кристаллизации государственной идеи и государственной организации. История финансового определения государства является очень важным звеном в развитии этих процессов, между тем многое в этой истории остается до сих пор неразъясненным»³. Еще одной задачей он признавал воссоздание повседневной деятельности московского приказа. В финансовой деятельности самого Приказа сбора ратных людей историк видел переход от «вдохновения и гадания к деловой схеме» в податной системе⁴. «Главным результатом деятельности Приказа была практическая постановка идеи дворового числа. Эта идея становится новой формулой податных требований, оправленной в новые технические приемы. Государство берет на себя податную экспертизу платежных ресурсов населения, но за это обязуется отчетливо и надежно поставить ее технически, расставшись с неопределенностями и неряшливостями сошного письма»⁵, — заключал исследователь. Таким образом, Яковлев попытался при помощи анализа отдельного учреждения выявить эволюцию всей административно-податной системы Московского государства.

Рецензенты признали большое значение монографии для отечественной исторической науки: «Автор выполнил громадную работу и выполнил ее тщательно... Многие из наблюдений... найдут себе место в общих обзорах»⁶. Обстоятельный отзыв написал один из оппонентов — Готье. В значительной степени автор отзыва сконцентрировался на методике исторического исследования, примененной Яковлевым.

---

¹ С.Б. Веселовский — М.А. Дьяконову. 9 апреля 1917 г. // Переписка С.Б. Веселовского... С. 153.

² АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 1.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 27.

⁵ Там же. Л. 22.

⁶ *Литература* по русской истории. IV. Ноябрь 1916 — январь 1917 г. // Исторические известия. 1917. № 1. С. 152.

Он писал: «С методологической стороны исследование А.И. Яковлева имеет очень большие достоинства: автор в полной мере владеет всеми приемами научной исследовательской работы, мысль его ясна, так же как и его изложение»¹. Он признал и литературные достоинства работы: «Крупное историко-литературное дарование автора особенно отчетливо проявляется... в живых и ярких характеристиках действующих лиц приказа»². Готье отметил и принципы исследования, указав на «интенсивность работы», приведшей к подробным выкладкам и таблицам. Тем не менее такой манере автор отзыва нашел объяснение: «Московские учреждения вообще не строились по логическому плану... Не исследователь господствует над своим материалом, а наоборот материал, нередко пестрый, случайный и нелогический, как само московское учреждение, руководит автором и давит на него. В результате исследователь не может строить нового здания по законам логической мысли и научной техники и его нередко можно сравнить с человеком, обреченным на обследование старой руины с узкой задачей реставрировать ее на бумаге»³. Стоит напомнить, что по таким же принципам были написаны работы самого Готье. Данный подход предполагал приоритет источника в исследовании: не ученый подбирал источники для своей работы, а источники вели работу и определяли тему исследователя. В этом состоит важное методическое отличие историков Московской школы старшего и младшего поколений. Если первые исходили из примата поставленной проблемы, то последние отталкивались от имеющихся источников.

Признавая большое значение работы Яковлева, Готье указывал и на ряд, с его точки зрения, недостатков. Так, он сетовал на то, что автор совершенно не проанализировал военную функцию деятельности приказа, сконцентрировавшись на финансовых вопросах. Это привело к неполному рассмотрению значения учреждения в русской истории⁴.

В целом положительные рецензии только дополнили картину успеха. Яковлев в один год защитил сразу две диссертации — случай в истории русской исторической науки небывалый! Вскоре он был избран ординарным профессором историко-филологического факультета Московского университета с правом голоса⁵. Казалось бы, перед ученым открылись все дороги, но социально-политические катаклизмы нарушили как нормальное развитие науки, так, по большому счету, и судьбу историка и его коллег.

---

¹ Готье Ю.В. Рец. на: Яковлев А.И. Приказ сбора ратных людей. М., 1917 // Исторические известия. 1917. № 2. С. 147.

² Там же.

³ Там же. С. 147–148.

⁴ Там же. С. 150.

⁵ АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 274. Л. 4.